

Родство по выбору в романе “Казус Кукоцкого” Людмилы Улицкой

Rodić, Beata

Undergraduate thesis / Završni rad

2022

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:359382>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-10-14**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti

Završni rad

Родство по выбору в романе «Казус Кукоцкого» Людмилы Улицкой

studentica: Beata Rodić

mentor: dr.sc. Josip Užarević, red.prof.

ak.god.: 2021./2022.

Zagreb, 7. 9. 2022.

Содержание

1. Введение	1
2. Определения родства	2
3. Род, родовые черты, семейное древо в <i>Казусе Кукоцкого</i>	2
4. Родство по выбору («случайное семейство») в <i>Казусе Кукоцкого</i>	5
4.1. Удочерение Тани	6
4.2. Принятие Тома в семью и распад рода	9
5. Заключение	11
6. Список использованных источников и литературы	13
7. Sažetak	14

1. Введение

В 1990-х годах проза Людмилы Улицкой привлекла внимание критиков, и с того времени до наших дней ее творчество остается объектом активного обсуждения. В течение последних лет Улицкой уделили внимание и в диссертационных исследованиях, например, в диссертации Н. Егоровой *Проза Л. Улицкой 1980-2000-х годов: проблематика и поэтика* (Скокова 2010). Эта диссертация остается одним из самых глубоких исследований творчества Улицкой, в которой осуществлен наиболее разносторонний анализ ее поэтики. Егорова пишет, что «творчество Л. Е. Улицкой стало одним из ярких явлений современной русской прозы» (Егорова 2007: 3). Первые рассказы писательницы были опубликованы в Париже в начале 1980-х годов, а в конце 1980-х их напечатал журнал *Огонек* (Егорова 2007). Настоящую популярность писательницы принесли повесть *Сонечка*, опубликована в 1992 году, и роман *Медея и ее дети*, опубликован в 1996 году. Эти произведения вошли в шорт-лист Букеровской премии. В 2000 году был опубликован роман *Казус Кукоцкого*, который в 2001 году получил премию Smirnoff-Букер. *Казус Кукоцкого* – это семейная сага, которая описывает жизнь семьи профессора Павла Кукоцкого на фоне истории Советского государства от момента его создания до середины 1960-х годов. «Традиционно считается, что благодаря А. П. Чехову литература посмотрела на жизнь глазами врача, а не пациента, глазами, понимающими социальные болезни» (там же: 17) и в этом аспекте и Улицкая, медик-биолог по образованию, рассматривает медицинскую проблематику в романе *Казус Кукоцкого*. В этом романе главным героем является врач Павел Алексеевич Кукоцкий. По словам Егоровой, Л. Улицкая «не стремится максимально приблизить образ главного героя к реальному прототипу, создавая не документальное, а художественное произведение» (там же: 17). В творчестве этой писательницы дается преимущество не кровному родству, а родству по выбору, «случайному семейству», т. е. таким способом разрушается традиционный концепт родства и семьи в ее произведениях. Особенностью моделирования семьи в ее произведениях становится случай, т. е. родство по выбору – «выбор матери, выбор отца, усыновление, удочерение, братание» (Побивайло 2010: 1). Цель этой работы – представить и проанализировать родство по выбору в романе *Казус Кукоцкого*.

Данная работа состоит из четырех частей. В первой части работы определяются термины родства и семьи, потом во второй части подробнее анализируются концепты рода,

родовых черт и семейного древа в романе, а третья часть посвящена родству по выбору в *Казусе Кукоцкого*. Эта часть делится на удочерение Тани, где объясняются отношения в семье Кукоцких, особенно отношение Павла и Тани, и на принятие Томи в семью и распад рода, где анализируется, что причиной распада рода Кукоцких стало принятие Томи в их дом. В заключении повторяются главные мысли и темы, которые проанализированы в данной работе.

2. Определения родства

Согласно справочно-информационному portalу *Грамота*, родство – это «отношения между людьми, обусловленные наличием общих предков, а также брачными связями» (*Грамота*, эл. ресурс). *Большая российская энциклопедия* определяет родство кровной связью в праве «между лицами (родственниками), с наличием которой закон связывает возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав и обязанностей» (*Большая российская энциклопедия*, эл. ресурс). Там далее говорится, что родство «как само по себе, так и в сочетании с другими юридическими фактами может являться основанием для возникновения у родственников ряда прав и обязанностей» (там же). Термин «родство» тесно связан и с термином «семья», который определяется как «группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе» (*Грамота*, эл. ресурс), или «группа живущих вместе близких родственников» (*Толковый словарь Ожегова*, эл. ресурс). Ясмينا Войводич пишет, что семья «подразумевает род, родство, и поэтому во все времена она считается ядром общества» (там же). Войводич продолжает:

Является ли генеалогия или происхождение человека проблемой? Насколько это важно для человека? Вот вопросы, на которые семья дает ответ. В развитии человека появляется вопрос: кто я? Откуда мои предки? Кто они? (Vojvodić 2009: 501).

3. Род, родовые черты, семейное древо в *Казусе Кукоцкого*

Побивайло пишет, что «семейное древо имеет своего родоначальника» (Побивайло 2010: 1), и в *Казусе Кукоцкого* родоначальником является Авдей Федорович: «Первый из них, Авдей Федорович, упоминается в письме Петра Великого, написанном в 1698 году»

(Улицкая 2006: 7). Уже с первых страниц романа о главном герое Павле Алексеевиче Кукоцком говорится как о члене династии врачей Кукоцких: «С конца семнадцатого века все предки Павла Алексеевича Кукоцкого были медиками.» (Улицкая 2006: 7). Помимо того, что все мужские Кукоцкие были врачами, у них были и другие родовые черты: «они добывали себе жен, как добывают военные трофеи» (там же: 19). Они были крупными, скуластыми, рано лысеющими мужчинами, а «гравюрный портрет Авдея Федоровича [...] свидетельствует о силе этой крови, проводящей вдоль времени семейные черты» (там же: 20). У жены Павла Елены и у ее первого мужа Флотова также «есть свои родовые предания и семейные традиции» (Савкина 2004: 174). Видно, что в *Казусе Кукоцкого* есть мотивы, связанные с жанровой традицией семейной саги – это прежде всего идеи династичности, родовой преемственности, «которая только и позволяет сохранить ту законченность, порядок и красоту (породистость), о которых писал Достоевский» (Савкина 2004: 174). Такие идеи традиции и родового предания Достоевский в *Подростке* связывает с порядком, завершенностью и совершенством:

Если бы я был русским романистом и имел талант, то непременно брал бы героев моих из русского родового дворянства, потому что лишь в одном этом типе культурных русских людей возможен хоть вид красивого порядка и красивого впечатления, столь необходимого в романе для изящного воздействия на читателя... Еще Пушкин наметил сюжеты будущих романов своих в *Преданиях русского семейства*, и поверьте, что тут действительно всё, что у нас было доселе красивого. По крайней мере тут всё, что было у нас хотя сколько-нибудь завершенного. Я не потому говорю, что так уже безусловно согласен с правильностью и правдивостью красоты этой; но тут, например, уже были законченные формы чести и долга, чего, кроме дворянства, нигде на Руси не только нет законченного, но даже нигде и не начато. Я говорю как человек спокойный и ищущий спокойствия. Так хороша ли эта честь и верен ли долг — это вопрос второй; но важнее для меня именно законченность форм и хоть какой-нибудь да порядок, и уже не предписанный, а самими наконец-то выжитый. Боже, да у нас именно важнее всего хоть какой-нибудь, да свой, наконец, порядок! В том заключалась надежда и, так сказать, отдых: хоть что-нибудь наконец построенное, а не вечная эта ломка, не летающие повсюду щепки, не мусор и сор, из которых вот уже двести лет всё ничего не выходит (Достоевский 1990, 689-690).

Что касается женской родовой линии в романе, она «пропущена дважды» (Vojvodić 2009: 500) – с одной стороны, у Елены Кукоцкой, жены Павла Алексеевича, нет матки, поэтому с нею родная линия Кукоцких прекращена, а с другой стороны, она заболела болезнью

Альцгеймера и теряет способность помнить – «не помнит рода» (там же: 500). «Если человек все про свою жизнь забыл – и родителей, и детей, и любовь, и все радости, и все потери, – тогда зачем он жил?» (Улицкая 2006: 157). Образ Елены в этом смысле одновременно прекращает связь с прошлым, поскольку она заболевает болезнью Альцгеймер и не помнит рода, т. е. таким образом происходит утрата прошлого, и связь с будущим, потому что у нее нет матки и, следовательно, у нее нет возможности рожать детей:

Разрыв семейных связей, утеря родовой памяти — расчеловечивание, порча, вырождение. Елена, в результате психической болезни теряющая память, ощущает это как катастрофу, пытаясь хоть какие-то семейные предания записать и оставить для дочери, ибо, с ее точки зрения, в противном случае вся прожитая жизнь делается бессмысленной (Савкина 2004: 175).

В романе представлены семейные истории каждого из членов семьи, что помогает читателю ознакомиться с каждым из образов и понимать их. Например, о Елене и ее семье узнается в списках Елены, которые она писала Тане:

Отец в молодости был очень красив. Нос с горбинкой, яркие черные глаза. Наверное, примесь греческой или кавказской крови сказывалась. Мама же, напротив, на девичьих фотографиях не так хороша собой – лицо пухленькое, глаза небольшие, нос картошечкой» (Улицкая 2006: 159).

Из романа узнаем, что действие происходит во время сталинской власти, а все, что связано с родовой памятью, «в сталинские времена превращается в “родовое проклятье”, травматическое чувство “родовой вины”» (Савкина 2004: 175). У Павлу близких людей есть страх понести наказание за семейные преступления, поэтому им придется скрывать такие грехи:

Размышления об этих испуганных детях уводили Павла Алексеевича в другую область: думая о судьбах близких ему людей, он обнаруживал, что почти все они тоже уязвлены страхом. Большинство скрывали какой-то постыдный факт происхождения или родства, либо, не в силах скрыть, жили в постоянном ожидании наказания за несовершенные преступления (Улицкая 2006: 37).

В романе понятия «род-роды, мать-матка (матка роя, Великая мать и матка как орган женского организма) настойчиво и символически сближаются» (Савкина 2004: 176). Матка становится активным действующим лицом и персонифицируется, т. е. она

становится олицетворением женщины как таковой: «Он сморщился всем лицом и застонал – все ушло, все пропало. [...] Это мстила ему удаленная десять лет тому назад больная, нагноившаяся матка. Гадина» (Улицкая 2006: 152). Матка в произведениях Улицкой в то же время является началом, источником существования всех людей, родов, что «как-то связано с матриархатной идеей, рассматривающей именно мать-прародительницу как гаранта единства и продолжения рода» (Савкина 2004: 177). Уже в первой части романа Павел Алексеевич раздумывает и вспоминает о прочитанном в молодости тексте, в котором упоминается хранительница Ламассу, богиня плаценты, переписывающая таблицы судеб. Савкина (там же) пишет, что матка в этом романе «практически превращается в такую богиню».

Павел Алексеевич справился тогда по немецким справочникам, кто же эта Ламассу, переписывающая судьбы поколений. Оказалось, богиня плаценты. Поразительным было это обожествление отдельных органов и чувство космической связи земли, неба и человеческого тела» (Улицкая 2006: 36).

4. Родство по выбору («случайное семейство») в *Казусе Кукоцкого*

Казус Кукоцкого – это, «в общем (за исключением мистической средней части), традиционный нарратив: история семьи на фоне эпохи» (Савкина 2004: 174). По словам Савкиной, родство по выбору – это «особого рода союз, в него включаются не все, а только “свои“, “избранные“» (там же: 172), поэтому и здесь есть «присутствующее почти в каждой семейной хронике кровосмешение» (Меклина 2000 по Савкиной 2004: 172). *Казус Кукоцкого* «парадоксально соединяет идею кровного родства с мотивом случайного или собранного семейства, родства по выбору», поскольку в этом романе есть целый ряд «удочерений/усыновлений, породнений и братаний» (там же: 178). Членами семьи в этом романе являются Павел Алексеевич Кукоцкий – муж, Елена Георгиевна – жена, Таня – дочь, Василиса – прислуга, и Тома – одноклассница Тани. Вместе с ними живут и братья Гольдберги. Павел Кукоцкий удочерил Таню, дочь Елены из первого брака, и саму Елену удочерила бабушка. Таким способом «образуется странная семья, где бабушка — мать внучке, а на запрос о родителях дочери не отвечают, так как формально она “своим родителям даже не родственница“» (там же). В романе происходит «разрушение традиционного типа семьи, которая подразумевает родство как детерминизм, не как случай» (Vojvodić 2009: 503). На задний план ушел детерминизм «в

значении объективной закономерности и причинно-следственной обусловленности явлений. Больше нет детерминизма. Его заменил случай» (там же). Vojvodić продолжает, что *Казус Кукоцкого* является случаем, т. е. «казусом», в нем есть случайная семья, случайный отец, случайная дочь – у семьи Кукоцких нет своих детей, у Елены нет мамы, Таня не Павловна, а дочь Тани не Сергеевна – произошел выбор ее отца. «Кровная связь, “правильное” прядение родовой нити уступает место семье по выбору, сборному, случайному семейству» (Савкина 2004: 179), и род и родство становятся менее важными, чем место пребывания семьи. «Таким образом, мы могли бы сказать, что то, что ранее было за пределами возможного выбора становится возможным. Человек может выбирать место пребывания, но невозможно выбирать род. Он не может выбирать ни родителей, ни детей» (Vojvodić 2009: 502). Но это становится возможным в *Казусе Кукоцкого*.

4.1. Удочерение Тани

Таня является дочерью Елены из первого брака, но, когда Павел и Елена поженились, Павел решил удочерить Таню: «Павел Алексеевич удочерил Таню сразу после женитьбы и, как говорила Василиса, “принял ее на сердце“» (Улицкая 2006: 38). По возрасту Павел Алексеевич мог быть ее дедушкой, но все равно он ее любил как родную дочь и восхищался ею. На Тани он замечал такие мелочи, которые не замечал на взрослых, и все новые движения и слова ребенка возбуждали в нем большой интерес.

Тани едва исполнилось два года, и по возрасту Павел Алексеевич мог быть ей дедом. Сердечное восхищение ею, которое он испытывал, имело налет стариковского умиления всем тем новым, что происходит с ребенком и никогда не происходит со взрослым. То он замечал складочку на запястье, то ямку на поясице, то обнаруживал, что ее темные волосы не одного темно-коричневого цвета, а с исподу, на шее, за ушками, они светлее и мягче, как будто другого сорта. Новые слова, новые движения, весь умственный рост, происходящий в двухлетнем человеке, вызывали теперь у Павла Алексеевича острый любовный интерес (там же: 39–40).

У Павла и Тани прекрасное отношение. Павел сильно любил Таню как будто она его родная дочь, она была для Павла «“своей” в большей степени, чем возможный собственный ребёнок» (Савкина 2004: 178). Павел Алексеевич никогда не сожалел о том, что не имеет своих детей:

Он никогда не позволял своей мысли останавливаться на том, что другая женщина могла бы родить ему другого, его собственного ребенка, может быть, мальчика, который бы унаследовал не эти чужие, карие волосы, а его, Павла Алексеевича, светловолосость и личную склонность к облысению, странную форму руки с широченными ладонями и треугольными пальцами, резко заостренными к ногтю, и перенял бы, в конце концов, его профессию (Улицкая 2006: 40).

Павел Алексеевич старается обеспечить ее и Елену всем необходимым для удобной жизни: «Баловал Павел Алексеевич Таню со страстью. Елене приходилось то и дело охлаждать его пыл. Случалось, он заходил в игрушечный магазин и скупал весь его скудный прилавок» (там же: 42). Елена писала своей дочери в своих записках, что ничего не видит в ней ни от Антона, настоящего отца Тани, ни от его породы, и что она действительно похожа на Павла Алексеевича. Павел и Таня обращались друг другу, используя разные милые прозвища, как например, «сладкая вишенка», «черноглазый бельчонок», «ушастое яблочко», «мой лучший собак», «Сомик усатый» (там же).

Сложные семейные отношения продолжают и в следующем поколении. В доме Кукоцких появлялись и братья Гольдберги, Виталий и Геннадий, и они сыновья лучшего друга Павла Алексеевича – «с детства почти члены семьи Кукоцких» (Савкина 2004: 178). Братья Гольдберги «собираются вместе с Кукоцкими (за столом!)» (Vojvodić 2009: 501), т. е. они регулярно приезжали к Кукоцким на обед: «Еще двое детей часто появлялись в доме, сыновья Ильи Иосифовича Гольдберга, Геннадий и Виталий, худые, нескладные, с ломкими голосами и буйными прыщами, они почти ежедневно приезжали обедать» (Улицкая 2006: 208). Таня стала любовницей обоих братьев, а с одним из них она и забеременела. Таким образом Таня «делает эту связь двух родов еще более запутанной» (Савкина 2004: 178). Когда она забеременела, она не знала, кто именно из братьев является биологическим отцом ее ребенка. Надо упомянуть, что «официальным отцом младенца и формальным мужем Тани становится Виталий, так как справка о Таниной беременности спасает его от призыва в армию» (там же). Но получилось, что юридически настоящим отцом является не Геннадий или Виталий, а другой мужчина: саксофонист Сергей Зворыкин, с которым Таня познакомилась во время своей беременности, и которого она полюбила с первого взгляда. Можно сказать, что произошел «выбор отца» (там же).

Саксофонист сидел почти спиной, но Таня узнала его по светлым прямым волосам такой длины, которая в те годы считалась вызовом общественному спокойствию. Он оглянулся,

посмотрел на Таню, и она немедленно схватилась за живот – ребенок взбрыкнул с необыкновенной силой (Улицкая 2006: 598).

Савкина пишет, что «выбором отца для своей дочери Таня не ограничивается» (Савкина 2004: 178). Когда Таня получила сообщение о наследстве, которое ей оставил ее биологический отец Антон Иванович Флотов, Павел Алексеевич расстраивался, поскольку тогда Таня узнала, что Павел не является ее биологическим отцом. Но Таню вообще это не интересовало. Как Павел Кукоцкий выбрал Таню в дочери, так и она выбирает его в отцы:

Тебе, Танечка, было в то время два года. Родным твоим отцом был Антон Иванович Флотов. Я же тебя удочерил сразу после того, как мы поженились. Наверное, я должен был сказать тебе об этом раньше... – Папочка, да какое же это имеет значение? – она увидела волнение Павла Алексеевича, и вся ее детская любовь к нему, как солнышко в небо, вошла в ней в эту минуту... [...] Ты мой самый настоящий, самый любимый слон, папка, дурак старый... (Улицкая 2006: 572).

С семей Кукоцких живет и «прибывшая к дому бесталанная, но смиренная» (Савкина 2004: 179) Василиса. У Василисы нет родственной связи с Кукоцкими, «хоть она выполняет роль бабушки (кстати, она редко сидит за столом с Кукоцкими)» (Vojvodić 2009: 501). Ее считают членом семьи, но вспомогательным: «Василиса, хоть и была членом семьи, но в геометрии семейного треугольника была членом вспомогательным, лишь придающим их существованию дополнительную устойчивость» (Улицкая 2006: 40). Можно сказать, что таким образом в доме Кукоцких образовалась странная, случайная семья. Кровная связь уступает место случайному семейству и родстве по выбору. И сам Павел Алексеевич в романе несколько раз подчеркивает, что у них странная семья, у которой нет кровных связей: «Какая странная, редкостно странная семья у нас, – размышляет Павел Алексеевич. – Может, оттого, что только двое из нас – Елена и Таня – связаны настоящими узами крови... все остальные собрались вместе по прихоти судьбы» (там же: 300). Он также говорит, что такая случайная семья образовалась результатом необъяснимого выбора сердца: «Ведь я даже не могу сказать “КРОВЬ”... Никакой крови, никакого родства, ничего, кроме иррационального, необъяснимого, капризного и никчемного выбора сердца...» (там же: 651). Несмотря на то, что их семья состоит из людей «избранных», «собранных “по прихоти судьбы”», она «представляет собой нечто целое, некое единство» (Савкина 2004: 179). В этом смысле в

Казусе Кукоцкого происходит разрыв традиции, но все-таки герои романа стараются собрать род:

Разрыв традиции, сплошная вырубка генеалогических деревьев бессознательно компенсируется усилиями по собиранию рода-рода. Эту мистическую задачу «переписывания судеб» в романе Улицкой выполняют по преимуществу женщины (там же).

Войводич также подчеркивает, что в произведении происходит «разрушение традиционного типа семьи, которая подразумевает родство как детерминизм, не как случай» (Vojvodić 2009: 503). На задний план ушел детерминизм «в значении объективной закономерности и причинно-следственной обусловленности явлений. Больше нет детерминизма. Его заменил случай» (там же). Войводич продолжает, что *Казус Кукоцкого* является случаем, т. е. казусом, в нем есть случайная семья, случайный отец, случайная дочь.

4.2. Принятие Тома в семью и распад рода

В семье Кукоцких «по воле случая вторгается *чужой*» (там же), и с тех пор начинается крушение и распад рода. Павел Алексеевич принял в дом Тому, одноклассницу Тани, оставшуюся без родителей, поскольку ее мать умерла от криминального аборта: «Экспертиза показала, что Лиза-дворничиха умерла от кровотечения, начавшегося в результате перфорации стенки матки...» (Улицкая 2006: 110). Поскольку Тома осталась без матери, семья Кукоцких решила ее принять в свой дом:

Перед самым отъездом с дачи Павел Алексеевич сам объявил Томе, что приглашает ее пожить у них в доме, пока она не подрастет и не получит образование. – Хорошо, поживу, – с достоинством приняла предложение девочка. В глубине души она была ужасно разочарована. Ей бы хотелось, чтобы Павел Алексеевич был ей настоящим отцом, как Тане (там же: 150).

Через некоторое время Тома была принята в дом окончательно. «Девочка остается жить у Кукоцких, как пригретая собачка – не выгонишь же, хотя все сразу и катастрофически чувствуют, что Тома – совершенно чужая, ментально чужая и никогда не будет одной из них» (Савкина 2004: 179–180). С появлением Тома началась болезнь Елены и нарушение отношений в семье, особенно в браке Павла и Елены, поскольку Павел высказался о том,

что он много лет тратит на разрешение проблемы аборт. Елена оказалась в шоке, потому что она сильно не поддерживает легализацию абортов. Поэтому с тех пор они начали ссориться:

Закончив еду, Павел Алексеевич отодвинул тарелку и сказал, обращаясь к Елене: – Теперь ты понимаешь, почему я столько лет трачу на это разрешение? – На какое? – переспросила рассеяно Елена [...]. – На разрешение абортов (Улицкая 2006: 114).

Обида Павлова к Елене в течение этого разговора стала причиной нарушения отношений в их браке: «У тебя нет права голоса. У тебя нет этого органа. Ты не женщина. Раз ты не можешь забеременеть, не смеешь судить, – хмуро сказал он» (там же: 116). С этого момента их супружество, до тех пор полное любви и взаимного уважения, стало нарушаться:

Последний ночной эпизод, совершенно не укладывавшийся в Еленино представление о собственном муже, на самом деле мало что изменил: ее обида была столь глубокой, что она уже ничего не могла с собой поделать. Как будто сказанная мужем сгоряча фраза убила в ней все желания и отправила саму почву, из которой произрастает потребность в нежном прикосновении, в ласке, не говоря уж о супружеской близости (там же: 153).

По определению *Большой российской энциклопедии* брак является союзом «мужчины и женщины с целью создания семьи, порождающий взаимные права и обязанности супругов» (*Большая российская энциклопедия*, эл. ресурс). Следовательно, брак является основой создания семьи. Когда отношения мужа и жены нарушаются, остальные члены семьи также глубоко переживают такие изменения. Поэтому, после того как в семье Кукоцких произошла первая настоящая ссора Елены и Павлова, начались появляться и другие проблемы: Елена начала терять память, Павел начал выпивать, Василиса на некоторое время ушла, Таня проводила все меньше и меньше времени дома, а через некоторое время она уехала в другой город. Но, кажется, что «все неприятности и катастрофы дома Кукоцких как-то связаны с появлением Тамары» (Савкина 2004: 180). Тома является воплощением «той новой реальности, с которой не согласуется уклад сборного семейства Кукоцких...» (там же). Савкина продолжает:

Она – воплощенная срединность, человек новой (советской) породы, носитель того «генотипа троечника», который выработался, согласно размышлениям старого Гольдберга, благодаря коммунистическим социальным экспериментам (там же).

Распад рода достиг вершины в третьей части романа, когда семья Кукоцких собралась праздновать Новый год в Москве. Много времени прошло с тех пор, как все они в последний раз собрались. Поэтому все, кроме Тани и Сергея, испытывали отчуждение и глубокое одиночество:

Это был самый странный семейный праздник, который только можно вообразить. Помимо Тани и Сергея, счастливых, не озабоченных ни прошлым, ни будущим, каждый из присутствующих переживал острое отчуждение от всех прочих и глубокое одиночество (Улицкая 2006: 642).

Войводич в своей статье подчеркивает, что «Москва является положительным пространством для всех Кукоцких. [...] Москва как конкретное место и семейное пространство снова собирает всех родных» (Vojvodić 2009: 499). Войводич продолжает, что стол является своеобразным семейным алтарем, за которым семья собирается, и где «на первый план выходят все хорошие и плохие стороны семейной жизни» (там же). Собравшиеся члены семьи семейный алтарь превращают в раздор, поскольку они перестали разговаривать. Домашний очаг, таким образом, их собирает и разъединяет.

5. Заключение

В итоге *Казус Кукоцкого* является семейной сагой, описывающей жизнь семьи Павла Алексеевича Кукоцкого во время Советского Союза. В творчестве Людмилы Улицкой дается преимущество не традиционному типу семьи, в которой все члены связаны кровными узами, а так называемому случайному семейству или родству по выбору. В романе *Казус Кукоцкого* встречается именно такой тип семейства и в нем появляются мотивы династичности и преемственности – мотивы, которые связаны с жанровой традицией семейной саги. Павел Алексеевич – член династии врачей Кукоцких, у которых существуют общие родовые черты. Женская родовая линия в романе пропущена дважды, поскольку у Елены Кукоцкой нет матки, поэтому с нею родная линия Кукоцких прекращена, а с другой стороны, она заболела болезнью Альцгеймера и теряет способность помнить рода. Родство по выбору подразумевает союз, в который включаются не все, а только свои, избранные. В романе происходит разрушение традиционного типа семьи. Таня – дочь Елены из первого брака, но Павел ее удочерил. Павел Алексеевич настолько любил ее, что никогда не сожалел о том, что у него нет

своих детей. Сложные семейные отношения продолжаются и в следующем поколении, поскольку в дом Кукоцких часто приезжали на обед братья Гольдберги. С одним из братьев Таня забеременела, но настоящим отцом своего ребенка она выбрала саксофониста Сергея. Прислуга Василиса, выполняющая роль бабушки, также живет с Кукоцкими и несмотря на то, что она с ними не связана кровными узами, ее считают членом семьи. Поэтому можно сказать, что в Казусе Кукоцкого происходит разрыв традиции, но все-таки герои романа стараются собрать род. Распад рода Кукоцких происходит с тех пор, когда в семье появилась Тома – Елена начала терять память, Василиса на некоторое время ушла, Таня проводила все меньше и меньше времени дома, а позже и уехала от дома, Павел Алексеевич ушел в пьянство. Наконец, Москва является семейным пространством, собирающее семью Кукоцких, но в последствии того, что семейные отношения нарушились, все члены переживают отчуждение друг от друга.

6. Список использованных источников и литературы

- Большая российская энциклопедия*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/sociology/text/1881800>, дата обращения: 1. сентября 2022 г.
- Грамота*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/>, дата обращения: 1. сентября 2022 г.
- Достоевский, Ф.М. *Подросток*, в: Достоевский, Ф.М. *Собрание сочинений в 15 томах*. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. Т. 8. С. 139—692.
- Егорова, Н. А. 2007. *Проза Л. Улицкой 1980-2000-х годов: проблематика и поэтика: автореферат*. Астрахань.
- Побивайло, О. В. (2010). *Мифология семьи в прозе Людмилы Улицкой*, в: *Филология и человек*, (1), с. 145–151.
- Савкина, И. 2004. *Род/дом: семейные хроники Людмилы Улицкой и Василия Аксенова*, в: *Семейные узы: модели для сворки, Сборник статей I и II*. Москва: Новое литературное обозрение, с. 156–185.
- Скокова, Т. А. 2010. *Проза Людмилы Улицкой в контексте русского постмодернизма: автореферат*. Москва.
- Толковый словарь Ожегова*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/>, дата обращения: 4. сентября 2022 г.
- Улицкая, Л. 2006. *Казус Кукоцкого*. Москва: Издательство «Эксмо».
- Vojvodić, J. 2009. *Obitelj: determinizam i slučajnost u djelima Ljudmile Ulicke*, u: *Croatica et Slavica ladertina*. Zadar: Sveučilište u Zadru, str. 493-505. Preuzeto s: <https://hrcak.srce.hr/49813>, datum pristupa: 06.09.2022.

7. Sažetak

U stvaralaštvu Ljudmile Ulicke obitelj, srodstvo po izboru i odnosi unutar obitelji neke su od vrlo zastupljenih tema. U romanu *Kazus Kukockoga* susrećemo se upravo s takvim temama te je cilj ovog završnog rada analizirati srodstvo po izboru na primjeru navedenog romana. Srodstvo po izboru podrazumijeva obiteljsku zajednicu u kojoj krvne veze ne čine glavni uzrok postojanja obitelji, već nastaje izborom. Pavel Kukockij posvojio je Tanju, kćer svoje žene iz prvoga braka, u svoj dom primio je i Tomu koja je ostala bez majke, u njihovoj kući također živi dadilja Vasilisa, a braća Gol'dberg posjećuju ih gotovo svakodnevno. Analizom takve zajednice dolazi se do zaključaka da u domu Kukockih dolazi do narušavanja tradicionalnih obilježja obitelji te da je dolazak *tuđega* uzrokovao raspad odnosa u obitelji.

Ключевые слова: Людмила Улицкая, Казус Кукоцкого, родство по выбору, род, случайное семейство, семья, семейные отношения

Ključne riječi: Ljudmila Ulicka, Kazus Kukockoga, srodstvo po izboru, rod, slučajno srodstvo, obitelj, obiteljski odnosi

Životopis

Beata Rodić rođena je u Zagrebu 9. listopada 1999. godine. Godine 2006. upisana je u Osnovnu školu Malešnica. Nakon završetka osnovne škole 2014. godine upisuje Gimnaziju Lucijana Vranjanina. Godine 2018. polaže državnu maturu i upisuje dvopredmetni studij informacijskih znanosti te ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu. Godine 2021. završava preddiplomski studij informacijskih znanosti obranom završnog rada na temu „Programi medijske pismenosti te njihova primjena u osnovnim školama“ te upisuje diplomski studij bibliotekarstva na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu.